

На философском факультете МГУ, в рамках открытого семинара «Философские среды» Центра современной философии и социальных наук, состоялась публичная лекция Ива Коэна (Высшая школа социальных исследований, Париж) «*Сталин на работе (1928-1937): написанное вождем как политическое действие*».

Дискуссантами по докладу выступили историки Олег Хлевнюк (Государственный архив РФ), Никита Петров (НИПЦ «Мемориал»), Александр Никулин (Центр крестьяноведения МВШСЭН). Вел дискуссию социолог Александр Бикбов (Философский факультет МГУ). Лекция и дискуссия состоялись 3 июня 2010 г.

Слушателями и участниками публичной лекции и дискуссии стали преподаватели и студенты МГУ, сотрудники академических институтов, архивов и общественных организаций. Дискуссия прошла очень содержательно и оживленно.

Ив Коэн предложил подход к действиям Сталина, который позволяет лучше понять усиление его личной власти: в рамках этого подхода письменные источники, вышедшие из-под пера диктатора рассматриваются не только как "свидетельства эпохи" или материал для изучения властных взаимодействий, но как инструменты управления, при помощи которых Сталин постепенно овладевал страной, действуя на свое окружение. В 1920-30-х сталинская власть представляла собой постоянный обмен письмами, обширные обоснования и оправдания Сталиным вводимых мер, непрерывное "воспитание" своего ближайшего окружения через навязывание отчетности по всем организационным задачам, включая организацию репрессий. Это была система постоянного вмешательства Сталина в управление системой, которая без него не могла бы работать. Большое значение Сталин придавал ритму вмешательств (когда нужно запускать ту или иную кампанию, когда нельзя медлить с обоснованием вводимых мер, а когда можно с ним повременить и т.д.). Отдельного интереса заслуживает особое внимание Сталина к реакциям в международной прессе на принимаемые законы и проводимые кампании: он внимательно следил за откликами зарубежных наблюдателей, получая в них подтверждение своих решений и действий.

Выступавший в дискуссии Олег Хлевнюк согласился, что Сталин был "пишущим диктатором", в отличие от ряда других (Гитлер, Муссолини), отдававших приоритет устной риторике. Он также подчеркнул, что система сталинской власти умерла через 2 недели после смерти самого Сталина: возникла новая система - авторитарная, но уже не сталинская. Иными словами, он не смог создать аппарата, который бы был способен работать в его отсутствие. Одним из важных условий сталинской системы власти выступало создание Сталиным особой, фантазматической реальности, расходящейся с действительным миром управляемого советского общества. В своих письмах Сталин стремился убедить в этой особой реальности свое ближайшее окружение, которое в 1920-30-х испытывало ощутимые колебания в отношении ряда решений и мер. Одна из задач сталинских текстов состояла именно в обосновании этой новой реальности, благодаря чему только и можно было обеспечивать "правильную линию" власти и контроля. Среди прочего Олег Хлевнюк отметил, что образ самой власти и лично Сталина, который сохранился вплоть до сегодняшнего дня, крайне отличается от действительного стиля Сталина и его окружения. Сами письма - инструмент общения, который становится необходим в период отпусков (в рабочее время в них нет нужды) - Сталина или его ближайшего окружения. За исключением 1937-45 гг. и последнего года жизни, Сталин регулярно выезжал в отпуск, на Юг, и проводил на отдыхе от 2 до 4 месяцев. Письма из отпуска свидетельствуют об "отвердении" сталинской системы власти: после 1945 они уже почти не содержат обширных обоснований, пояснений (в отличие от 1920-30-х): это, как правило, краткие инструкции и шифротелеграммы.

Никита Петров обратил внимание на особую значимость резолюций Сталина, наложенных им на разного рода документы. С его точки зрения они не менее важны, чем письма, поскольку представляют собой инструменты власти в концентрированном виде. Другим таким инструментом был "выезд на места", когда Сталин и его окружение продолжали контролировать исполнение поручений лично - без этого система не действовала. Тонкую механику власти можно проследить в самой манере оформлять письма и инструкции. Так, нумерация записок (записка о вредителях № 2 и т.п.) призвана продемонстрировать типичность, серийность "вредных" явлений и, как следствие - неотложность и неслучайность мер по их ликвидации. К мерам контроля ближайшего окружения относится и расстановка "личных" акцентов в резолюциях ("это важно", "обратить особое внимание" и т.п.), необязательная с точки зрения работы аппарата, которому эти резолюции были адресованы (и который в любом случае должен был бы с бюрократической бесстрастностью разбирать каждый случай), но ключевая в становлении системы надзаконной личной власти. Сталинская манера управления основывалась на огромном зазоре между декларациями и действительностью, что отличает ее от той же гитлеровской власти, где политические слова были гораздо более откровенны и более последовательно реализовались в действии. При этом можно видеть, что насильственные меры, предлагаемые Сталиным, выступали как аргументы, призванные убедить наблюдателей, почти риторикой: так, в ответ на предложение Берии уничтожить 300 человек Сталин мог ответить - нет, нужно расстрелять человек 600, так будет правильнее. При этом речь шла о еще не идентифицированных и не осужденных людях.

Александр Никулин предложил видеть в сталинской системе частую форму долгой истории военно-диктаторского управления Россией, достигшей в середине XX века своей наиболее угрожающей и кровавой формы. Обращаясь к современной полевой работе в российской деревне, он продемонстрировал, что сталинская система не умерла вместе со смертью диктатора, но сохранилась в риторике и фигурах мысли советского и даже постсоветского управляющего звена. Стилистика сталинских текстов строится на 3 основных столпах: 1) ориентация на "дело", конкретные меры, 2) любовь к теории, которой Сталин владел крайне плохо (наиболее удачные формулы в его текстах являются плагиатом из Ленина, Троцкого, Бухарина; собственные же теоретические "изобретения" крайне унылы и беспомощны), 3) грубая эмоциональность, варьирующая от безапелляционного тона до прямого уничтожения оппонентов. За несколько десятилетий под воздействием сталинского языка язык советских управленцев и интеллектуалов стерся, утратил разнообразие и выразительность. Унификацию и омертвление политического языка можно наблюдать, среди прочего, по выступлениям на конференциях аграрников с середины 1920-х до начала 1950-х, которые становятся все более стандартными и бессодержательными.

Ведущий дискуссии Александр Бикбов подчеркнул эвристичность подхода, предложенного Ивом Коэном, который не стремится "теоретически" переопределить или переприсвоить доступные архивные источники, но сделать более строгой их интерпретацию и более последовательно реконструировать сталинскую власть как научный объект. Обращаясь к прозвучавшим тезисам и реакциям по ходу дискуссии, он предложил обратить внимание на то, что явные расхождения в интерпретациях сталинской власти как сверхрациональной или крайне произвольной, сталинской системы как крайне эффективной или постоянно разваливающейся, сталинской модели управления как проникшей глубоко в общественную ткань или исчезнувшей сразу после смерти диктатора, - обязаны не только различиям в позициях историков, но и сложности, внутреннему разнообразию, отличавшем саму систему контроля, которая включала (если пользоваться различием, предложенным Мишелем Фуко) как элементы близкой суверенной власти (постоянное давление сверху, "выезд на места" руководителей, частые

экстренные вмешательства в работу подчиненных), так и элементы власти на расстоянии, образцовым примером которой становятся сами письма Сталина, цитированные И.Коэном. Эти письма и инструкции, которые поначалу обеспечивают близкую власть, непосредственное участие диктатора в делах страны, постепенно воспитывают новых субъектов - ближайшее окружение, но также, согласно свидетельству А.Никулина, обширный слой низших управленцев - которые способны самостоятельно проводить в жизнь сталинскую политику, т.е. выступать агентами власти на расстоянии.

В дальнейшем обсуждении прозвучали дополнения и новые вопросы, обращенные в том числе к расхождениям в интерпретациях модели сталинской власти. Александр Ватлин (исторический факультет МГУ) отметил, что в объяснении феномена вождизма в СССР важно видеть не только отличия Сталина от других диктаторов (Гитлера, Муссолини), но сходства между ними всеми, а также - что может выглядеть совсем провокативно - например, между Сталиным и Рузвельтом. Вождизм следует рассматривать как общую черту целого ряда современных обществ первой половины XX века. Ив Коэн согласился со справедливостью такого взгляда и указал на свои исследования по этому вопросу, в частности, на тот факт, что вождизм во многом мыслится в разных обществах как ответ на усложнение техники и социальной организации, которое тогда, в отличие от сегодняшнего дня, воспринималось как реальность, требующая не распределенного контроля, но напротив, сверхцентрализованной управленческой структуры, лидера. Некоторое время дискуссии было уделено вопросу о квалификации Сталина как менеджера/управленца. В ответ на аргументы об аисторичности подобной характеристики Александр Никулин указал на известное современное руководство по менеджменту, написанное главой фирмы "Интел" Э.Гроувом "Выживают только параноики" - которое демонстрирует впечатляющее структурное сходство с инструментами и риторикой сталинской власти. Оживленную полемику вызывал вопрос о неустранимости Сталина из созданной им системы контроля. Олег Хлевнюк, Никита Петров указывали на неразрывность созданной системы и личности Сталина: во многом, государственная система была системой личной власти и воплощала в себе черты личности диктатора. Александр Бикбов указал на крайне значительный произвол интерпертации, открывающийся с введением в анализ "личности" и предложил критерий минимальной научной достоверности - рассматривать "Сталина" как общее имя для совокупности изучаемых практик (письменных и недискурсивных). Это не означает, что не существовало Сталина как человека, телесного индивида, однако исследователь может гарантировать достоверность своих гипотез и обобщений о нем, лишь анализируя конкретные действия по доступным и проверенным источникам. С предложением о возможных дополнениях к указанным направлениям анализа выступил Анатолий Чусов (философский факультет МГУ), который указал на невозможность сверхконцентрации власти без развития техники коммуникаций, делающих слово диктатора доступным для обширной массы слушателей. В заключительном слове Ив Коэн отметил пользу от сравнительного изучения вождистских режимов и риторик в различных обществах XX века, что позволяет яснее расположить сталинскую систему в общемировых тенденциях, а также подчеркнул важность изучения не просто общей логики "системы" или институционального устройства политических режимов, но непосредственного властного действия, неожиданно мощным инструментом которого оказываются письма из отпуска и резолюции, сделанные карандашом.